

ВВЕДЕНИЕ

Дорогие читатели! В ваших руках сборник документов «Тамбовцы на фронтах Второй мировой войны». Его материалы говорят о формировании и эволюции армейской, фронтовой психологии наших земляков и их боевой работе в 1939-1945 гг. По начальному замыслу наших документальных публикаций о жизни и развитии нашего края в то формирующее время, материалы по данной тематике должны были составить один из разделов 2-го тома сборника «Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Тамбов, 2008). Но огромная человеческая и историографическая ценность собранных и подготовленных к публикации документов столкнулась с типографскими ограничениями объема издания. Не желая и не имея морального права сокращать в угоду объему, «резать по живому» материал, важнейший для нынешних, будущих поколений и для исторической науки, мы – редакторы и составители – решили опубликовать документы по боевой работе и армейской психологии отдельным большим томом с самостоятельным научно-справочным аппаратом. Такой подход оказался тем более оправданным, что материалы данного тома раскрывают особую в социально-психологическом и «географическом» отношении сторону военной жизни наших земляков, вынесенной за пределы Тамбовской области и протекавшей в условиях непосредственных, чрезвычайно губельных, но жизненно необходимых боевых действий того сгустка, сплава и среза советского народа, который назывался Красной Армией.

В итоге мы получаем трехтомную – равновесную и полную, построенную на едином принципе историзма – документальную энциклопедию жизни Тамбовской области и ее людей в годы Великой Отечественной войны, видя ее в зеркале документов от предвоенной экспозиции 1939-июня 1941 гг. и проводя взглядом через этапы войны к первым послевоенным месяцам.

Проблемно-хронологическая структура данного 3-го тома-книги по истории Тамбовской области в Великой Отечественной войне решена самой периодизацией и характером боевых действий тех лет, менявшимся состоянием Красной Армии.

3-я книга открывается разделом об армейской жизни и психологии наших земляков от лета 1939 г. до 22 июня 1941 г. В него вошли документы, отразившие довоенное состояние РККА, быт и настроения военнослужащих накануне Великой Отечественной войны, участие тамбовцев и их армейских товарищей в боевых действиях против японцев на р. Халхин-Гол, в «походах» в Польшу и в Бессарабию осенью 1939 г. и летом 1940 г., в советско-финляндской войне.

Последующие три раздела содержат документы того времени, раскрывающие психологию, быт и боевую работу наших солдат на крупнейших этапах войны: первый год Великой Отечественной от лета 1941 г. до лета 1942 г.; полтора года «великого перелома» от Сталинграда через Курскую битву и битву за Днепр; полтора победных года от первого

выхода Красной Армии к государственной границе СССР через освобождения и взятия Варшавы, Белграда, Будапешта, Вены, Праги, Кенигсберга, Берлина и до «точки» Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Особая история создания и особый характер источника обеспечили и особые разделы, состоящие из уникальных военных дневников, документов, раскрывающих трагедию плена, и записей армейских лирики и фольклора. Те же особые обстоятельства создания свели в отдельный большой раздел сотни воспоминаний участников войны с внутренним расположением материала по проблемно-хронологическому принципу.

Сотни фотоиллюстраций, помещенных как по тексту, так и на вкладках, также образуют особую группу источников.

Всего в данном сборнике опубликовано, включая фотоиллюстрации и материалы комментариев, около трех тысяч подлинных документов-источников по военной психологии, настроениям, условиям жизни и работы армии, а также связанных с ней разных советских социальных слоев фронта и тыла. Подавляющее большинство документов (более 9/10 их общего числа и еще большая часть объема) публикуется впервые.

Какие типы документов мы складываем в «тамбовское зеркало» боевой работы, настроений и быта российского, советского общества конца 1930-х-1940-х гг.? Как – когда и какими путями – попали эти документы сначала в наши руки, а затем на страницы данного тома?

Пожалуй, наиболее значительной в количественном и качественном отношении группой документов сборника являются письма 1939-1945 гг. Их в данной книге около 1200.

Большинство – это письма родным и близким солдат разных возрастов, социального происхождения и положения, мест рождения и воспитания. Письма с фронта, из мест воинской учебы, из госпиталей, а также письма командиров и боевых товарищей родным солдат-тамбовцев об их боевой работе и фронтовой судьбе.

Меньшую, но очень важную историко-психологическую группу среди писем составляют послания, написанные родными и близкими солдатам на фронт, в армию.

Важнейшими источниками по боевой работе и боевой психологии наших земляков оказываются публикуемые наградные листы и боевые характеристики, выбранные равно представить как все рода войск, все этапы войны, так и ее героев в разных воинских званиях и должностях из всех районов Тамбовской области.

Совершенно уникальными по возможностям раскрытия важнейших сторон психологии и быта военного времени, по редкости, сложности ведения и по счастливой сохранности являются дневники тех лет. Мы публикуем полностью и в отрывках дневники тамбовских солдат с описанием их жизни до и во время службы в армии, дневник партизана(!), дневник военнопленного(!), отрывки из дневника тамбовской школьницы. По

степени уникальности, источниковой ценности дневникам близки публикуемые записи из фронтовых победных альбомов и солдатских записных книжек, надписи на фронтовых фотографиях.

Особого подхода потребовали весьма сложные в источниковедческой обработке, но такие ценные в сравнительно-сопоставительном отношении документы как воспоминания. Для создания максимально полной и объективной картины военной и послевоенной психологии, восстановления важных деталей прошлого мы использовали сотни наиболее надежных воспоминаний, записанных различными способами, людьми разных судеб и в разное время на полувековом отрезке от конца 1940-х до 2000-х гг.

В итоге мы получили, говоря прозаическим научным языком, подлинную массовую случайную выборку, ставшую залогом максимально полного, точного, объективного отражения всего спектра солдатских настроений и настроений их близких, боевой работы и фронтового быта. И, конечно, в этом тамбовском по локализации зеркале в силу единства советской довоенной и военной судьбы народа отразилась вся страна и вся война.

Документы, слившиеся в данном сборнике в цельную картину военной психологии и боевой работы, пришли в него, в ГАСПИТО из разных источников, по разным каналам. Начальное документальное ядро из фондов ГАСПИТО разрослось за счет значительных поступлений из Центрального архива Министерства обороны, из ведомственных архивов и музеев Тамбовской области, из личного архива Л.Г. Дьячкова, из коллекции С.Н. Денисова.

Но все же огромная доля уникальных (бесценных для понимания нас – тогдашних и нас – нынешних) свидетельств нашего великого прошлого пришла из семей ветеранов советского фронта и тыла. Десятки героев той войны, сотни их детей, внуков и правнуков сохранили, записали и передали в ГАСПИТО, составителям этого сборника тысячи писем, фотографий, воспоминаний и иных документов той эпохи. Мы не можем перечислить их всех, но признательность и благодарность наша огромна. А вместе с тем жива и надежда на то, что сцепка нашей исторической памяти, удержавшая и удерживающая государство и народ от распада и гибели, устоит и укрепится под намеренными смертными ударами тех, кого поколение победителей точно окрестило «недобитками».

х х х

Документы всех трех томов нашего сборника по истории Тамбовской области в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн позволяют увидеть главное – предпосылки, условия, факторы жизненно важной Победы и уяснить для сегодня и на завтра уроки из того формирующего исторического опыта.

В самом деле, к 22 июня 1941 года СССР в целом и в каждой его части был огромной и не слишком связанной коммуникациями, много- и разноукладной, разнослойной страной со сложнейшим сплетением множества системных, принципиальных, но плохо решаемых проблем и

противоречий. Власть по-разному и часто несправедливо и жестоко относилась к многомиллионным частям формируемого ею общества, и миллионы людей по понятным причинам не могли быть благодарны, не могли любить ту систему власти, собственности и идеологии от ее вождей до местных «винтиков». К тому же внешний удар небывалой силы застал страну в движении, «на переходе», что повышало шансы общего краха. Ведь совсем недавно, всего за поколение до лета 1941 года, непростая, тоже многоукладная, конфликтная, но внешне и внутренне достаточно благополучная царская Россия испытала несравнимо меньший удар Первой мировой и... обрушилась через два с половиной года, хотя «германец» взял всего-то половину Прибалтики и Белоруссии, а «австрияки» и турки вообще не знали крупных военных успехов. Что же случилось с нашей страной, с нашими государством и обществом, чтобы всего через четверть века после революционного крушения и военного поражения в Первой мировой, после стояния врага у стен Ленинграда и Москвы, на берегу Волги и на вершинах Кавказа, после потерь трети народного хозяйства и десятков миллионов людей наступило 9 мая 1945 года?

Документы Великой Отечественной, и в том числе их малая часть, опубликованная нами, дают ответ. Спасительная для тогдашних государства и народа и сформировавшая военные и послевоенные поколения Победа пришла в силу синергетического перемножения ее факторов – как успевших сложиться накануне, так и ускоренно достраивавшихся в ходе войны. Эту взаимно усиливавшую и неразрывную связку факторов-условий Победы можно мысленно «расплести» в три равновеликих и взаимопроникающих группы: 1) тогдашнее государство, т.е. советская система власти, собственности и идеологии с ее человеческим наполнением и всеми ответвлениями, включая управление и вооруженные силы; 2) демографические, природные, географические, экономические и социально-психологические ресурсы страны и производное от последних – 3) всеобщий и массовый героизм советских людей на фронте и в тылу.

О работе первых из названных факторов Победы говорят документы, комментарии к ним и предисловия первых двух томов нашего издания.

В центре зеркала документов данной третьей книги отражается наш социально-психологический ресурс, который, в свою очередь, сплетен из множества составляющих и нераздельно сращен с остальными факторами Победы. Назовем важнейшие из этих составляющих.

К итоговым победным ресурсам социально-психологического свойства относился весьма низкий уровень советского общественного и личного потребления, что позволяло мобилизационному по сути государству направлять на нужды фронта предельно высокую долю произведенного продукта при предельно высоких нормах выработки. К этому состоянию делать многое на голодном пайке при варварски убогом быте наше общество подвела вся дореволюционная история России, с воспитанным в ее крестьянском большинстве «авральным» характером труда чаще не столько ради нормальной жизни, сколько выживания. И без того низкий уровень

личного потребления был усугублен потрясениями революции 1917 года, Гражданской войны, коллективизацией и репрессиями 1930-х гг. И хотя Великая Отечественная война внезапно, резко и мощно ухудшила условия жизни, оборвала начавшееся было предвоенное улучшение, выживать нашим людям в условиях катастрофы было не впервой.

Не забудем, что выживать и поставлять фронту необходимое на предельно низком уровне потребления, проявлять массовый боевой и трудовой героизм «помог» и смертельный враг, который откровенно, в соответствии со своей звериной идеологией, пришел уничтожить нас как народ. Иллюзии о войне «по правилам», питавшиеся личной и семейной памятью о «германце» образца Первой мировой, рассыпались уже до июля 1941 г. после первых деморализующих военных катастроф и общего бегства на восток, после первых массовых казней фашистами мирного населения, командиров-коммунистов, евреев, цыган, после первого испытания животных и смертных условий фашистского плена. Сделать все, принести любые жертвы, но победить, уничтожить врага и выжить самому, родной семье, малой и большой родине – это было почти в каждом русском, белорусе, украинце, татарине, еврее, казахе, в каждом 17-летнем мальчишке-солдате и в каждом 50-летнем ветеране трех войн, в каждом школьнике и в каждой сельской старухе, шептавшей: «Страшно, что немец придет».

Когда мы в очередной раз говорим о массовом советском патриотизме и героизме в той войне, нужно учитывать следующее.

Во-первых, важная сама по себе и катализирующая остальное общество доля героизма в привычном понимании термина была в эту войну исторически максимально высокой, особенно в российских регионах Европейской части СССР, в Белоруссии, на Левобережной Украине и в Новороссии. (По героизму, отмеченному высшими наградами и степенями отличия, Тамбовщина – в числе первых в СССР.)

Во-вторых, – и это едва ли не более важно – преобладающая часть советского фронта и тыла, часто не становясь при этом орденосносцами или Героями Советского Союза, «просто» достойно и жертвенно работала на войне, что, несомненно, оказывалось настоящим спасающим героизмом. Доле разного рода трусов, предателей и иных «сволочей» не досталось в нашем народе и полутора процентов.

Советский патриотизм, обеспечивший массовый героизм и эффективную боевую работу – подзабытое, но очень точное историческое понятие. В нем, отражая реальное военное прошлое, соединился «обычный» патриотизм средних и старших поколений (любовь и защита родной семьи, близких, родины, родного языка, культуры, общих корней и общей истории) с советским патриотизмом молодых – воспитанных советской действительностью и Советской властью. Для молодых защита Родины означала уже не только защиту отчего и материнского дома, но и защиту того строя, который образовал их и раскрыл (при всех минусах тогдашней социальной политики) широчайшие двери к стремительному социальному

восхождению. Без формирования перед войной этого массового и преобладающе растущего слоя молодых защитников СССР как части сложившегося в главных чертах советского народа победа была невозможна.

Что в тогдашней советской внутренней политике 1920-1930-х гг., помимо широкого эскалатора вертикальной социальной мобильности, сделало и делало молодых людей советскими патриотами? Конечно, умелая и точная пропаганда, соединенная в сознании с действительными экономическими и социальными успехами страны. И конечно – тогдашняя система образования и просвещения, сохранившая историческую преемственность высокого качества и пополненная небывалой доступностью и массовостью образования. В воспитании и образовании будущих молодых победителей особую роль сыграли гуманитарные предметы – история, родная литература и язык. Тогдашняя власть при всех ее личных и системных пороках прекрасно понимала, что политическая стяжка разнородной страны политической «вертикалью власти» не сработает без стяжки единой и общей историей, единой и общей культурой, единым языком. Этот фактор победы понимали уже в войну рядовые, но образованные бойцы, относя к нам вынесенное из немецкого исторического опыта заключение о том, что «войну выиграл школьный учитель». А что сегодня и зачем сделали чиновники с историей, литературой, русским языком да и с остальным школьным и вузовским образованием?..

Но тогда советское образование взрастило не только советский патриотизм и героизм молодых. Оно обеспечило на массовом уровне «конвертацию» школьных и вузовских знаний в воинские знания и умения, соединившиеся с героизмом в победный фронт. Наши Герои – блестящие летчики В. Михайлов, А. Дьячков, А. Малин, П. Харитонов, снайпер В. Пчелинцев, артиллеристы Н. Бореев и А. Михин, танкист М. Солнцев и самоходчик А. Космодемьянский, партизан-подрывник В. Шутов, комбриг В. Рывж и комдив Л. Миляев, великий авиаконструктор С. Егер, крупнейший дипломат В. Семенов и тысячи других – они из тамбовских, советских школ, техникумов, институтов и военных училищ.

х х х

Надеемся, что наши сборники документов о Тамбовщине в Великой Отечественной войне, в том числе и эта, 3-я книга, помогут сохранению жизненно важной всегда и особенно сегодня связующей нас исторической памяти, возрождению исторического знания, почти ныне убитого в молодых, насыщения правдой всегдашнего «голода» по истории, по великому историческому опыту.

Публикуемые в данной книге документы относятся к разным видам исторических источников. Каждый вид и каждый документ обладают уникальными информационными свойствами и в то же время в силу условий своего происхождения имеют определенные ограничения, которые читатели и исследователи обязаны иметь в виду.

Послевоенные свидетельства (воспоминания – второй по объему блок данного сборника) ценны тем, что мемуарист имел время для осмысления

военного прошлого, для более спокойного и объективного «видения большого на расстоянии», его память оставляла главные события и впечатления, забывая маловажное и вытесняя лично нежелательный опыт. Воспоминания как источник по конкретной истории и психологии участников войны хороши и наиболее полным социальным спектром мемуаристов с самым разным военным опытом. В публикуемой выборке читатель найдет воспоминания бывших рядовых солдат войны разного социального происхождения, возраста и пола, младших и средних командиров РККА всех родов войск, военнопленных и партизан, командующих войсковыми соединениями вплоть до начальника штаба и командующего фронтом, медиков, авиаконструктора, республиканского наркома и дипломата.

Нехватки воспоминаний как источника приходят с разных сторон. Не всегда человеческая память точно фиксирует события, существует большая разница в историческом кругозоре мемуариста при обычном его желании объяснить всю войну. Большое значение имеет способ записи воспоминаний – собственноручная, магнитофонная или видеозапись по информативному качеству и силе воздействия неизмеримо лучше записей интервьюеров разной грамотности и исторических знаний. К слову, мы постарались отобрать к публикации почти исключительно собственноручные и электронные записи.

Еще более существенным объективным ограничением именно фронтовых воспоминаний в отличие от мемуаров тыловых оказывается то, что в данном случае перед нами – свидетельства только выживших в боях и проживших после Победы не менее 15-30 лет до времени записи большей части публикуемых воспоминаний. То есть у нас не может быть воспоминаний погибших в боях, умерших от ран и в плену, а они – наши молчащие и глядящие в нас мертвые – и 58 % нашего армейского призыва, и целые социальные и армейские слои (сельские отцы семейств по происхождению и пехота по роду войск по преимуществу).

Вместе с тем, на психологическую окраску и даже на содержание воспоминаний поколений победителей сильнейшее воздействие оказали как сам факт Победы, так и мощная военная и особенно послевоенная государственная индоктринация, а также менявшаяся, но клишированная культурно-историографическая интерпретация истории войны. В итоге мемуаристы-ветераны из нижнего армейского звена нередко следуют упрощенной схеме победной истории войны, излишне «населяют» свои воспоминания личными фронтовыми «встречами» с Г.К. Жуковым, К.К. Рокоссовским, с Л.И. Брежневым и даже с И.В. Сталиным. Кстати, и Сталин как абсолютно положительная фигура, как несомненный «организатор» победы присутствует именно в воспоминаниях рядовых фронтовиков, при почти полном отсутствии «вождя», скажем, в их же личных письмах и дневниках войны. Но и такое искажение истории послевоенным мифом, заместившим порой реальные события, оказывается

очень важной социально-психологической особенностью отражения в массовом сознании того формирующего исторического этапа.

Для получения максимально психологически точной и объективной картины боевой работы и фронтовых настроений, а также для большего эмоционального воздействия мы использовали возможность сопоставительного соединения в данном томе документов периода войны (наградные листы, боевые характеристики, письма и дневники) с воспоминаниями тех же людей. Таких сопоставлений удалось сделать несколько десятков (В.П. Баранов, И.И. Гришаев, В.А. Ефимов, С.И. Колыщенко, А.К. Коростелев, А.Н. Михин, Д.Ф. Рзянин, С.И. Савостьянов, А.И. Свистунов, И.И. Фирсов, В.С. Чистяков, Я.П. Шипилов и др.).

Основными и незаменимыми источниками по психологии фронта, настроениям советских военнослужащих и их семей остаются военные письма и дневники. Их источниковедческие ограничения много меньше их бесценных и широчайших информационных возможностей, но они все же есть.

У военных дневников, помимо их исключительной редкости в силу возможностей их ведения и сохранения в войну, субъективным психологическим ограничением выступает их ориентированность на будущих читателей, которая не пропускает в дневник информацию, нежелательную для его составителя.

У писем с фронта, на фронт, из войсковых частей есть два внешних, несколько искажающих полное отражение солдатской психологии, фактора: 1) укрепившаяся с осени 1941 г. военная цензура, подкрепившая самоконтроль адресантов, что не пропустила к нам множество писем целиком и еще больше важных для нас строк и отдельных слов; 2) по явно суеверным побуждениям и по беспечной небрежности в семьях фронтовиков не сохранилось большинство писем солдат, выживших на войне, вернувшихся победителями домой. Таким образом, любая репрезентативная, но подлинно случайная выборка писем неизбежно перекашивается в сторону сохраненных в семьях погибших солдат. И если это преобладание известий от павших бойцов адекватно реальным долям фронтовых потерь в первой половине войны, то в 1944-1945 гг. доли погибших среди личного состава Красной Армии были, все-таки, меньше отражения их в массиве сохранившихся писем с фронта на победных этапах войны.

А если повернуться от бесстрастного к «человеческому» источниковедению быта и психологии советских бойцов, то бодрые, безмятежно-счастливые довоенные письма с их лирическими и любовными отступлениями и планами на жизнь разрываются 22 июня 1941 года.

В сотнях посланий с фронтов обрушившейся на страну Великой Отечественной войны, из действующей армии в датах их написания, в названиях мест их отправки, в скупых обмолвках о готовящихся войсковых операциях и – главное – в их настроении отражены все этапы войны, человеческие страдания, страхи, надежда, уверенность в победе. В каждой

строке их и непонимание, незнание деталей немецко-фашистского наступления, и ясное ощущение того, что с ними, со страной произошло что-то небывало страшное, рождающее неизбывную тревогу за свою жизнь, за жизнь и судьбу своих самых близких и родных. В многократно повторяемых, как заклинание, словах прощания, в нервной интонации писем сквозит ощущение обреченности, предчувствие неизбежной и скорой гибели. Вместе с тем, в личных письмах первого года войны нет разрушающего панического страха. В них есть не только покорность судьбе – «в войну мы родились, в войну и умрем» – но и «простое», без показного добровольчества и пропагандистской бравады, выполнение собственного семейного и гражданского долга по защите близких, родины и Родины от врага, который пришел уничтожить не только твое государство, но и истребить физически весь народ. Всеобщее и быстрое осознание жизненно важной необходимости сопротивления уничтожающей тебя силе стало стержнем мобилизации сил страны на самом трудном этапе войны.

Конечно, особенности предвоенной биографии «наших авторов» отразились на содержании и настроении их писем первых военных месяцев. Городское образование, большее партийно-комсомольское воспитание, военная выучка и боевой опыт делали жизнь в войне в целом и личные письма, в частности, бодрыми, уверенными, твердыми в надежде на нескорую, но победу (См. письма П. Решетова, В. Лахонина, А. Козельцева и др.). Объединило же всех, кто первым встретил врага, одно – почти все они отдали свои жизни за свою страну, за своих матерей, жен и детей. Одинаковые слова из Книг Памяти «погиб в бою», «пропал без вести» следуют за письмами и рядовых, мобилизованных с записью в красноармейской книжке «годен, необучен», не получивших ни единой награды, и кадровых военных, командиров, ставших при жизни орденосносцами и Героями Советского Союза. Повторим – в этом отношении судьба авторов писем точно соответствует смертной статистике этапов войны.

Доля безвозвратных потерь среди советских солдат оставалась, хоть и меньшей, но все равно огромной и в последующие периоды войны. В тамбовском, почти полумиллионном, призыве в РККА погибло более половины – столько же, сколько и в остальных областях Европейской России, Белоруссии и Левобережной Украины. Ранены были почти все. Самым щадящим оказался 1944 г., но последние полгода войны, в силу политических и иных причин, оказались столь же «смертными», что и испытания 1943 г. Личные письма, помещенные в данном сборнике, подтверждают эти печальные выкладки. Также они отразили и другие обстоятельства в истории войны.

Мы видим, как авторы писем становятся все моложе, на смену 30-40-летним семейным солдатам и командирам, выбитым в большинстве своем в 1941-1942 гг., приходят совсем юные красноармейцы, родившиеся в 1923-1926 гг. Они – другое поколение, родившееся при Советской власти, воспитанное и образованное послеоктябрьским государством. Да и война,

давно идущая и вступившая в переломную, победную фазу, оказывалась мощнейшим учителем и воспитателем чувств.

В личных письмах середины и поры завершения Великой Отечественной рядовыми, сержантами, офицерами и курсантами военных училищ война осознается и выглядит, как тяжелая, долгая и необходимая работа, требующая подготовки, терпения, опыта и, если повезет, воинского счастья. В этих письмах ненавидимый противник, немцы – уже не непреодолимая смертная сила, а «фрицы», «гансы», «звери», «варвары», которых с хорошим оружием, командованием и подготовкой вполне можно бить и гнать с нашей земли. Совсем бодрые, победные настроения звучат в личных письмах последних месяцев войны («наша пуля легкая – везде догонит») – хотя бои в Венгрии, Восточной Пруссии, на Висле и Одере, за Берлин по ожесточению и гибельности не уступали битве за Москву, в Сталинграде и на Курской дуге.

В личных письмах второй половины войны меняются главные адресаты: в 1941-1942 гг. послания с фронта адресованы, прежде всего, женам и детям, в 1943-1945 гг. «помолодевшие» солдаты чаще «прижимаются сердцем» к матерям (именно к матерям, а не к отцам или родителям!) и к любимым девушкам, которых все настойчивее и уверенней называют будущими женами, «милыми и многоуважаемыми супругами».

Нельзя не обратить внимание и на язык личных писем. Он не только излучает искренние чувства, трогательно нежен, но и удивительно богат и достаточно грамотен, если учесть то, что огромное большинство авторов – молодых и среднего возраста – родилось и выросло в деревне, имея за плечами к началу войны по 2-7 классов сельской школы. Несомненно, большая война обостряла чувства и воображение, помогая подыскивать разные и необходимые слова для точного и проникновенного выражения мыслей и состояния людей. Вместе с тем, мы можем сравнить язык писем Великой Отечественной с языком писем Первой мировой войны и с письменной речью нынешних молодых людей. «Наши» письма, конечно, выиграют в подобном сравнении, главный залог их языкового преимущества – подлинная образовательная революция 1920-х-1930-х гг., обеспечившая доступ к грамоте и знаниям практически всем молодым поколениям страны, сохранив при этом для школы важнейшие пласты дореволюционной русской культуры, культурную преемственность обновлявшихся преподавательских кадров и организации образования. Молодой читатель же пусть обратит внимание на то, как солдаты разных возрастов и в тяжелых условиях войны неизменно просят в письмах, настаивают на полной и лучшей учебе своих младших близких – детей, сестер, братьев. Они и в окопах знали, зачем необходимо настоящее образование...

А еще язык писем с фронта от солдат-горожан с десятилеткой за плечами и от вчерашних полуграмотных колхозников полон любви к своим близким, к женам, к любимым девушкам, рождая замечательную музыку нежных слов. Может быть, нынешние молодые проникнутся обращениями из наших военных писем: «чистосыновний привет», «горячолюбимые родные»,

«кланяюсь горячо-прегорячо», «известный вам муж, сын и брат», «многоуважаемая женка», «жинка милая», «милая родная, любимая», «доброе утро, любимая», «Алик-голубчик, Ниночка-черноглазик», «мой соколик, мой соловейко, мой птенчик», «медвежонок», «красуня-ласточка». Или почувствуют щемящую глубину прощаний и наказов близким: «прощайте и простите», «остаюсь ваш сын, внук и брат», «мы все помрем, только не все разом», «жалей себя, жалей детей, очень жалей, не обижай никогда», «почитайте мать», «нежно целую тебя», «не болейте, будьте здоровы, вспоминайте и ждите меня», «целую всех цыплят, а тебя отдельно и больше всех», «а, все-таки, счастья больше»...

Все без исключения личные письма с фронта, из военных училищ, на фронт пронизаны заботой о родных и близких. Лейтмотив заботы звучит и в постоянных извещениях об отправке денег, теплых вещей, продуктов, и в вопросах о здоровье родителей, жен, детей, о трудоустройстве и благоустройстве родных, учебе детей, и в том, что в письмах с фронта, из госпиталей, не желая расстраивать близких, солдаты почти не говорят о собственных трудностях, настоящих лишениях и физических страданиях:

- «Положение у всех одинаковое, кроме как на блатпредприятиях» (Из письма Героя Советского Союза Н. Филиппова);

- «Вам (в тылу – ред.) в десятки раз трудней, ибо больше мелочей. Нам легче получить небытие»; «Когда кушаю, все становится поперек горла, страдания нашего народа неизмеримы, и не знаю, искупятся ли они» (Из писем А. Яковлева);

- «Мама, я рад, что вы на зиму имеете продукты, ведь я и воюю за это, чтобы вам, старушкам, жилось хорошо» (Из письма В. Арфеева).

Бойцы старались щадить в письмах души и чувства родных, издалека поддерживать дорогих им людей в небывало тяжелом испытании. Военный перелом и победный разбег крепнувшей до могущества армии усиливали эту поддержку. То же старались делать в своих письмах и те, кто своей невероятной самоотдачей в работе в тылу обеспечивал фронтовые успехи. Но, в отличие от фронта, с течением войны человеческие и материальные силы тыла не пополнялись и крепились, а истощались и разрушались. Особенно и в первую очередь это коснулось людей села и сельского хозяйства, которые в войну и до нее были лишены государственной социально-экономической поддержки, имея перед государством и городом одни лишь обязательства, неизмеримо выросшие в военную пору. Власть же, как в силу своего происхождения, идейной основы и приоритетов, не лучших личных качеств части «кадров», так и объективной невозможности охватить вниманием и социальной заботой все слои общества и части экономики, в годы войны практически «забрасывала» некоторые вопросы социального жизнеобеспечения, предлагая значительной части населения работать с полной отдачей, но выживать на «подножном корму». К таким вопросам «последней очереди» в войну относились жилищно-бытовые условия жизни трудящихся, снабжение населения продуктами и предметами первой необходимости, оплата труда, размещение и трудоустройство

эвакуированных и беженцев, выполнение государственных обязательств по поддержке семей красноармейцев и т.п. Но моральные и физические силы не безграничны, хотя советский народ выявил невероятные способности столь долгого выживания на столь малом минимуме социального и личного потребления. Рваться начало там, где тонко – в тыловом селе, которое лишилось трудоспособных мужчин, образованных специалистов, техники, значительной части скота, но обязано было обеспечить многократно выросший социальный и экономический «заказ» государства и города.

Писем из тыловых сел на фронт, в действующую армию сохранилось чрезвычайно мало, но за строкой ответных писем с фронта видно, что натянутые до предела нити жизни деревни начинают лопаться к третьему году войны. После «семейных совещаний» в письмах о том, что из вещей продать, что выменять на продукты, как получить денежный аттестат и паек семьи красноармейца, на фронт мужьям и отцам шлют слова отчаяния: «Тебе страшны пули, а нам страшен голод», «Когда ты придешь с фронта, то нас не увидишь», «Будила братика трое суток, чтобы не умер от голода во сне».

Критическое состояние села, части эвакуированных и беженцев отразилось в резком увеличении в конце 1942-1943 гг. писем-жалоб, писем-требований, адресованных представителям и органам областной и местной партийно-советской власти. Те из них, что сохранились с ответными резолюциями, опубликованы в данном трехтомнике.

Внимание власти к человеческим жалобам, просьбам, требованиям и ответы на них были своеобразными, характерными приметам времени. В первую очередь удовлетворялись просьбы о поддержке семьи «своих» – партийных работников в военной форме в званиях не ниже батальонного комиссара. Письма-жалобы остальных военнослужащих на бедственное положение родных удовлетворялись в гораздо меньшей степени. Чаще подобные письма оставались без ответа или с ответом вроде: «Имеет козу, огород, в помощи не нуждается». Типичнейшей, но уникальной в индивидуальности человеческих судеб, счастливо сохраненной в документах, является военная история семьи Героя Советского Союза А.П. Фролова. Летчик, совершивший за войну около 500 боевых вылетов, сбивший лично и в группе 20 вражеских самолетов, трижды сбитый сам и дважды считавшийся погибшим, потерявший на войне отца, получает на фронте перед вылетами письма из родного села Заворонежского, в которых его младшая сестра сообщает о скорой гибели ее и матери от голода и о безразличном отношении сельской власти к семье героя-фронтовика. Видя и понимая состояние Александра Фролова, командир части(!) направляет возмущенное письмо тамбовским руководителям. Только после этого обращения семье А.П. Фролова была оказана разовая помощь топливом и 10-ю кг(!) муки. Но военное истощение сил и здоровья не прошли даром: уже в 1948 г. умирает нестарая еще мать летчика, рано ушла из жизни и младшая сестра.

За строками других писем мужьям и отцам-солдатам также видно, как война в советском тылу губила детей и женщин, когда в солдатской просьбе

о помощи семье указывается, скажем, 5 детей, а проверка положения семьи через месяц-полтора сухо фиксирует ее размер одним ребенком меньше. И это было правдой – по объективной статистике отделов ЗАГС более половины числа сельских детей в возрасте до 5 лет в 1942-1944 гг. умерло от голода и болезней. В несколько раз повысился уровень смертности у женщин 30-50 лет, и это также стоит за строками писем военной поры.

Особыми по происхождению и содержанию являются написанные в рамках патриотических починов и иных кампаний индивидуальные и коллективные письма из действующей армии и адресованные партийным, комсомольским органам и их руководителям, редакциям газет. Письма этого рода, которые власть, в конечном счете, организовывала сама себе в ряду идейно-мобилизационных мер, не так щемяще искренны и не так впечатляюще дышат подлинной жизнью. Тем не менее, они важны и интересны как дополнительный и необходимый источник в знакомстве и в изучении истории партийно-государственной пропаганды и агитации. Интересны они и как знаки связи фронта и тыла, как указания на необходимые воюющей армии линии и формы общения с тылом (подарки, переписка с девушками, встречи с общественными делегациями и артистами, организация праздников и т.п.).

х х х

Перечитывая, проверяя письма Великой Отечественной для редактирования и составления комментария, мы, составители и редакторы сборника, ловили себя на том, что они захватывают тебя, заставляя их читать одно за другим, забывая о научно-исторических и археографических задачах. В чем сила душевного воздействия этих весточек из прошлого, адресованных, казалось бы, совсем не нам? Да, она в том, что через все письма нам открывается подлинная, драматичная и трагичная история людей и страны в пору испытания, принципиально изменившего всех нас от той поры и до нынешнего времени. Да, на нас воздействует «эффект присутствия», ощущения того, что солдат говорит, пишет письмо сейчас, рядом с нами, но и наше знание того, что через день или месяц после отправки последнего письма его уже не будет в живых. Сила писем и в том, что за их потемневшими, оборванными и полуистлевшими листками стоит невероятно огромная человеческая цена Победы. Вечно живые в письмах, они – солдаты, колхозники и рабочие, взрослые и дети, мужчины и женщины – наши родные и близкие ясно знали и написали нам, за что отдали жизни и здоровье и хотели, просили, чтобы о них помнили.

Мы помним.

*В.Л. Дьячков,
кандидат исторических наук,
доцент ТГУ им. Г.Р. Державина,
ответственный редактор сборника*